ВА

ОСТРИРОВАННЫЙ
УРНАЛЪ
ТЕРАТУРЫ
СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXIX
1908

„Сборника“, содерж. соч. Г. УСПЕНСКАГО, Г. ГАУПТМАНА и гр. А. ТОЛСТОГО,
меній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.
перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

собранія сочин. Глѣба Успенскаго“ кн. 23.

ть. Картина Отто **Новака**, грав. Ф. Фрюхауфа.

Digitized by Google

II. Впя.

— Надо завтра панихиду непремѣнно отслужить, — сказала мамаша и помѣшала ложечкой въ стаканѣ.

Ея примѣру послѣдовалъ Лука Яковлевичъ. А Полина и Лена стали дѣлать тартинки изъ остатковъ жаркого. Отъ времени до времени я протягивалъ руку, бралъ тартинку и съѣдалъ, громко чавкая.

Конечно, я зналъ, что это неприлично. Но мой товарищъ Волкъ, который велъ себя, какъ тургеневскій Базаровъ, посвятилъ меня въ тонкости чавканья. Крестьяне напрасно ничего не дѣлаютъ— ихъ чавканье придаетъ особый вкусъ пищѣ. Я качался на качалкѣ, чавкалъ и вмѣшивался въ бесѣду. Мать величественно посматривала на меня.

Вошла Мотя и зажгла висячую лампу, которую я привезъ въ подарокъ мамашѣ. У меня мелькнула въ головѣ мысль, что вношу и я кое-что въ домъ; но, преисполненный собственнаго достоинства, я ее не высказалъ.

Мотя была хорошенькая и даже красивая дѣвушка, лѣтъ шестнадцати, съ очень бѣлокурыми волосами и нѣжнымъ румянымъ лицомъ, которому должны были завидовать мои сестры. У нея была розовая улыбка и удивительно бѣлые зубы. Но я зналъ, что Лена и Полина не считали красотой правильныя черты лица, и большіе голубые глаза казались имъ уродствомъ. Лука Яковлевичъ, у котораго, можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ было много денегъ, такъ какъ со времени пожара прошло двадцать лѣтъ и онъ могъ вновь набить ассигнаціями двѣнадцать томовъ „Отечественныхъ Записокъ“, не обратилъ никакого вниманія на Мотю. Конечно, ему гораздо болѣе нравилась моя тридцатилѣтняя сестра.

Мотя сдѣлала свое дѣло и ушла, слегка улыбнувшись мнѣ. Я покраснѣлъ и рѣшилъ про себя сдѣлать выговоръ Мотѣ и сказать ей, что она не имѣетъ права мнѣ улыбаться. Однако чай былъ уже конченъ и прошло много времени, а милая улыбка Моти не выходила у меня изъ головы, и это раздражало меня. Я почти обрадовался, когда къ намъ пріѣхали Ящерскія—мать съ дочерью.

Ящерскій былъ докторъ. Онъ купилъ хуторъ Мокрый, тоже у насъ, года черезъ два послѣ смерти отца, построилъ домъ и зажилъ на своей землѣ. Онъ ни минуты не зналъ покоя. Имѣнье стало приносить доходъ, но надо было страшно трудиться.

Старуха Ящерская была сентиментальная и скупая особа съ волосатой бородавкой на щекѣ и на подбородкѣ и съ длинными острыми клыками, которые выставлялись изъ-подъ верхней губы. А дочь ея, Варенька, недавно окончившая провинціальный институтъ, была маленькая, тщедушная, съ темными глазами, съ длинненькимъ носомъ и тоже съ неровными зубами. Ей было уже лѣтъ двадцать, она слегка горбилась, и руки у ней были длинныя, не по росту, и большія.

— Бонжуръ!—заговорили въ одинъ голосъ мать и дочь.

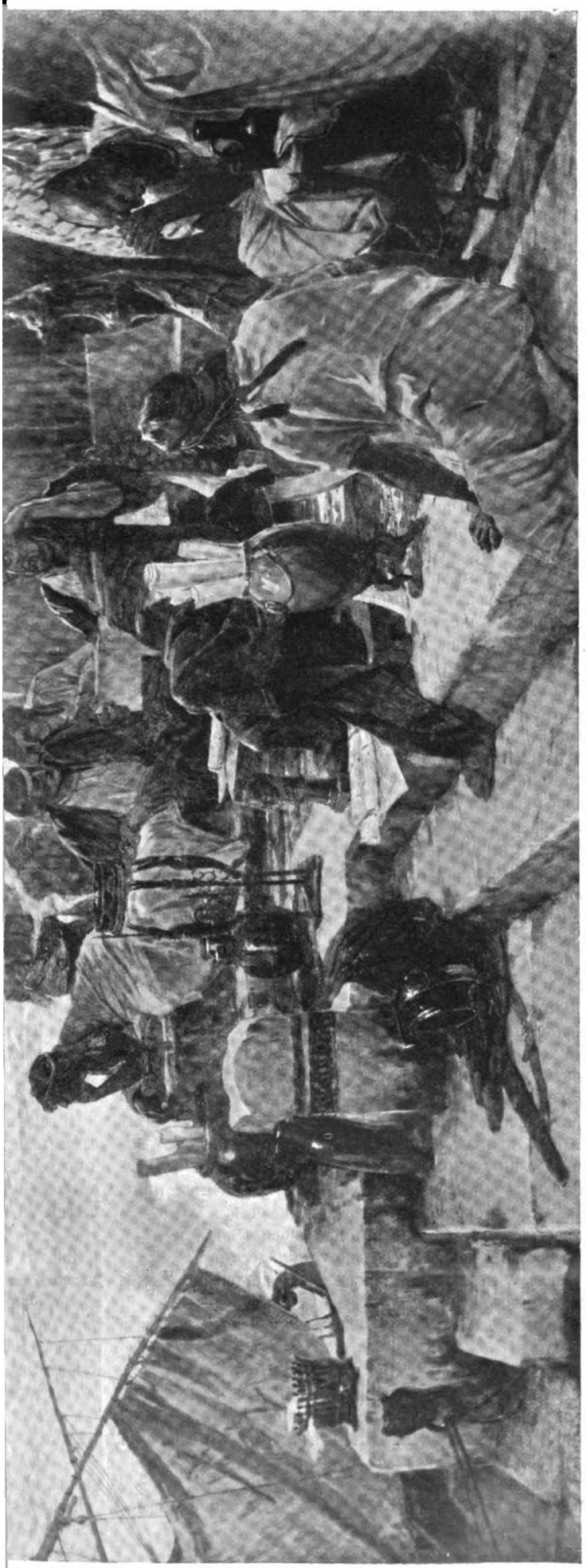
Старая Ящерская точно играла на гребешкѣ, а не говорила. А у молодой голосокъ былъ тоненькій, какъ у комара. Это смѣшило меня уже шесть лѣтъ тому назадъ, когда я въ первый разъ увидѣлъ ее въ короткомъ платьѣ и „калошкахъ“. Встарину я, Полина и она играли по цѣлымъ днямъ въ саду и выдумали шифръ, на которомъ можно было переписываться, и сокращенный языкъ. Мы такъ увлекались своимъ изобрѣтеніемъ, что совсѣмъ одичали. „Да мене“ означало: „дай мнѣ молока“. „Приваръ“—„принеси варенья“. У насъ были и сокращенныя имена. Полина называлась Па, а Варенька Ящерская, отца которой звали Павломъ — Впя. Я — Эръ. Клички моя и Полины забылись въ короткое время, а Впя сохранилась и пережила наше отрочество.

Подбѣжавъ съ восклицаніями къ Полинѣ, Впя сильно склонила набокъ голову, чтобы не обезпокоить ее носомъ, и стала ее цѣловать. Нацѣловавшись, она склонила голову въ другую сторону и впилась въ Лену. По ту сторону стола ея мамаша впивалась въ мою мамашу. Я вскочилъ съ качалки, Лука Яковлевичъ всталъ со стула.

— Боже, какъ вы измѣнились!—запищала Варенька и бросилась ко мнѣ жать руку.

Ради гостей было приказано подать новый самоваръ и зажарить цыплятъ. Мы съ Лукой Яковлевичемъ воспользовались удоб-

Digitized by Google



Марій на развалинахъ Карѳагена. Картина К. А. Вещилова.

Digitized by Google

Растяпа повернулась на пяткахъ, словно на огромныхъ красныхъ яблокахъ, и умчалась въ кухню. А Чимбасъ взялъ меня за талію и подвелъ къ литографіямъ.

— Роскошныя дѣвицы!—началъ онъ вкрадчиво.—Ужъ именно части свѣта! Геній художника, увы, всегда превосходитъ дѣйствительность... Послушай, Митрій,—неистово завопилъ онъ, завидя входящаго во дворъ работника:—чтобъ мнѣ поросенокъ былъ, живой или мертвый!!

Мы позавтракали и запили капусту вишневкой.

— Растяпа!—опять крикнулъ баринъ.

— Чево?

— Иди—станцуй.

Онъ взялъ гитару и началъ перебирать струны, весь уйдя въ звуки и значительно улыбаясь и раскачивая головой, а Растяпа, войдя, остановилась поодаль и принялась плясать, ударяя по полу босыми ногами. Плечи ея дрожали, а глаза и ротъ были серьезны. Наконецъ у Луки Яковлевича брызнули слезы изъ глазъ.

— Ступай!—крикнулъ онъ и бросилъ гитару на диванъ.

Я молчалъ.

Лука Яковлевичъ тоже умолкъ, вытеръ глаза, сѣлъ у раскрытаго окошечка и закурилъ трубку.

Не постигаю, почему я не заговорилъ о зеленомъ пиджакѣ. Я не имѣлъ духа истребовать его обратно. До послѣдней минуты я надѣялся, что Лука Яковлевичъ самъ вспомнитъ. Садясь въ бричку, я намѣревался сказать: „Кстати, Лука Яковлевичъ, а мой пиджакъ?“ Но на самомъ дѣлѣ — было некстати. Я ничего не сказалъ и уѣхалъ, оглядываясь и раскланиваясь съ Чимбасомъ, который сгибался вдвое и прижималъ руку къ сердцу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

шарфъ.

ая легенда).

Рукой схватился... Вздрогнулъ конь могучій...
Сѣдокъ дрожитъ и силится вздохнуть—
И рухнулъ внизъ, въ песокъ пустыни жгучій!..
И все кругомъ летучій длится бой,
И такъ же мчатся взмыленные кони...
Друзья, враги—гремящею волной—
Вдали исчезли въ бѣшеной погонѣ.
И вотъ окрестность хмурая пуста,
Чужое небо сумрачно и нѣмо...
И тихо шепчутъ блѣдныя уста:
„О, Рейнъ родной! О, родина! О, Эмма!..“
Къ устамъ прижалъ онъ пѐревязь свою,
И кровь видна на пѐревязи бѣлой...
„Ты слышишь, Эмма?.. Въ роковомъ бою
Погибъ Робертъ, погибъ твой рыцарь смѣлый!..“

III.

Прирейнскій зàмокъ въ факелахъ горитъ.
Кипятъ виномъ блестящіе бокалы;
Веселый пиръ теперь для всѣхъ открытъ,
Спѣшатъ, ликуя, слуги и вассалы...
Графиня Эмма думаетъ о „немъ“
И бѣлый шарфъ къ устамъ подноситъ алымъ...
Вдругъ обожгло ей сердце, какъ огнемъ,
И крикъ испуга раздался по заламъ...
„Пятно, пятно! Кровавое пятно!..“
На бѣлый шарфъ глядитъ она въ испугѣ...
И шумъ и говоръ...—„Прòлито вино...
Она въ бреду, въ безуміи, въ недугѣ...“
Но, вся дрожа, какъ трепетная лань,
И поблѣднѣвъ, движеніемъ несмѣлымъ
Она беретъ, она цѣлуетъ ткань,
Пятно горитъ на шарфѣ снѣжно-бѣломъ...
„Онъ умеръ! умеръ!..“ Падаетъ она,
Вся поблѣднѣвъ, на каменныя плиты;
Вмигъ отцвѣла любви ея весна,
Вмигъ всѣ мечты о счастіи—разбиты!
И меркнетъ балъ, и, полная тревогъ,
Толпа мятется, пышно разодѣта;
И старики, собравшіеся въ кружокъ,
Угрюмо шепчутъ:—„Вѣрная примѣта!“

В. Лебедевъ.

Digitized by Google

обученія англійскому языку, хотя они посѣщаются очень слабо: что-жъ учиться еще отъ хорошей жизни? Хорошіе клубы и безплатныя библіотеки предоставлены въ распоряженіе рабочихъ и пользуются очень большимъ успѣхомъ, въ особенности со стороны молодежи.

По мѣрѣ увеличенія своего благосостоянія, бывшій иностранецъ начинаетъ все чаще и чаще интересоваться финансовымъ отдѣломъ въ газетахъ, въ то время, какъ его сыновья читаютъ лишь спортивный отдѣлъ. Его деньги приносятъ лишь четыре процента въ банкѣ, что кажется прямо какимъ-то убыткомъ. Постепенно назрѣваютъ два вопроса: купить ли домъ съ землей въ разсрочку, о чемъ такъ заманчиво постоянно твердятъ объявленія, или помѣстить деньги въ разныя многообѣщающія акціи, преимущественно горнозаводскія, такъ какъ онѣ дешевы, — обыкновенно долларъ штука?

Большинство рабочихъ все-таки покупаетъ прежде всего домъ, тѣмъ болѣе, что стоитъ онъ дешево, если онъ очень простъ и стоитъ гдѣ-либо въ очень непривлекательномъ мѣстѣ: можно купить за 500—1000 долларовъ, въ разсрочку по 30—50 долларовъ въ мѣсяцъ. Мебель также можно купить въ разсрочку, безъ всякихъ поручителей. Магазины усиленно хлопочутъ всегда, чтобы найти покупателей на какихъ угодно условіяхъ. Нерѣдко можно видѣть объявленіе, въ которомъ изображена роскошная комната, гдѣ, среди роскошной мебели, утопаютъ во взаимныхъ объятіяхъ два нѣжныхъ существа, и подпись гласитъ:

«Отчего же вы не женитесь на нашей барышнѣ? Мы давно готовы омеблировать вашъ домъ на льготныхъ условіяхъ».

Другое объявленіе гласитъ:

«Давайте подѣлимъ трудъ: вы найдете себѣ невѣсту, а мы омеблируемъ вашъ домъ на очень льготныхъ условіяхъ».

Говорятъ, иногда можно имѣть мебель, заплативъ лишь одинъ долларъ наличными. Кажется, трудно себѣ представить болѣе

Г. Гауптманъ. «Потонувшій колоколъ». Рисунокъ А. В. Курилко.

Digitized by Google

осу-
Иды,
жется,
о тутъ
2 году
по ней,
жками,
о кото-
денный
участ-
ьшому,
людей
мѣстами
ь углу-
не по-
ь. Про-
боковые
гибнуть.
іи—счи-
регород-
рисункѣ.
ри чемъ
центра
вательно
Пунктир-
хода (гдѣ

Лемносскій лабиринтъ находился на островѣ того же имени. О немъ извѣстно только, что въ немъ было 150 громадныхъ вращающихся колоннъ. Кто его сооружалъ и чего ради—неизвѣстно. Нѣчто подобное лемносскому лабиринту было въ Сициліи, около Агригента (нынѣшній Джирдженти); здѣсь безконечными, путанными подземными переходами были связаны между собою укрѣпленія на берегу острова.

Лабиринтъ въ *Клузіумѣ* (нынѣшній Кіузи) представлялъ не что иное, какъ гробницу знаменитаго Порсенны, этрусскаго царя, воевавшаго съ Римомъ. Здѣсь собственно лабиринтомъ была нижняя часть, цоколь гробницы. Это была (судя по описанію Варрона, которое приводитъ Плиній) призма съ квадратнымъ основаніемъ; длина основанія равнялась 300 футамъ, а высота призмы—53 футамъ. Внутри этой призмы и находился лабиринтъ, т.-е. безконечный рядъ спутанныхъ между собою ходовъ. Надъ цоколемъ же этимъ высилось нѣчто фантастическое, чтобъ не сказать—нелѣпое. На немъ было поставлено пять конусовъ (а можетъ-быть, и пирамидъ, трудно разобрать по описанію) въ 75 футовъ шириною въ основаніи и 150 фут. въ вышину. Эти конусы были унизаны колокольчиками, звонившими при вѣтрѣ. На вершинахъ этихъ конусовъ былъ утвержденъ необъятныхъ размѣровъ бронзовый шаръ, а на немъ высились опять четыре пирамиды по 100 футовъ въ вышину; на вершинахъ этихъ вторыхъ пирамидъ была утверждена платформа, а на ней высилось еще пять пирамидъ. Такимъ удивительнымъ сооруженіемъ, по разсказамъ Варрона и Плинія, тщеславный Порсенна желалъ увѣковѣчить память о себѣ.

ъ красоты.

Разсказъ **В. Винниченко.**

на маленьдъ кудрязчики изъ вмѣстѣ съ и голодомъ раясь проне гнались, потому что нный, какъ бкій, слишждый разъ лись возлѣ ной усмѣшъ, говорилъ: ешься тутъ. те, молъ, къ ъ здѣсь. По-

мигивалъ съ енно будетъ, этомъ подное, торжеразмысливъ, ъ въ сторону отъ тебя покатилась по въ одну, то предвидѣнныя ъ будто даже .

ѣшливо сплеетъ намъ Тавки, узнаемъ... знаю...

оими мыслями на узелокъ, и, ми волосами и у сторону, гдѣ его. Молчало кары, которая, маленькій двоонные воробьи нція свистѣла, бирались когоогли тронуться

пять безъ цѣли глазахъ стояли ти думы проникали ихъ сѣрыя, ли такъ вяло и , сердито ругановые, съ жаждеждой въ душѣ. съ ненавистью

— Ага! — насмѣшливо смотрѣли они на новыхъ. — Здѣсь васъ только и ждали. Сію же минуту наймутъ. Повезутъ въ каретахъ, въ экипажахъ... Садитесь, отдохните, пожалуйста...

Тѣ садились, садилась постепенно на дно души и надежда, а черезъ нѣкоторое время они, какъ и всѣ, съ тяжестью тоскливыхъ, тупыхъ мыслей ходили вездѣ безъ цѣли и ждали. По временамъ снизу, изъ города, который шумѣлъ и каждую ночь сіялъ бѣлымъ свѣтомъ въ черное небо, приходилъ кто-нибудь изъ мѣщанъ и бралъ съ собой одного или двухъ копать погребъ или мѣсить глину. По временамъ въ дворикѣ появлялись босяки и пьяными, хитро прищуренными глазами равнодушно осматривали узелки и присаживались гдѣ-нибудь возлѣ простодушныхъ... Появлялись карты, водка, а за ними—крикъ, драка, плачъ. И снова стихало на нѣкоторое время.

Надъ дядей Софрономъ и Василемъ, надъ ихъ свитками и широкими шароварами уже не смѣялись—однимъ надоѣло, а другихъ не стало. Только Катря, проходя невдалекѣ, бросала иногда на Василя волнующій, манящій, какъ грѣхъ, взглядъ и, усмѣхнувшись изъ-подъ бѣлаго платка всѣмъ своимъ смуглымъ, мечтательнымъ личикомъ, говорила:

— А что, уже пошилъ мнѣ юбку изъ своихъ шароваръ?

Василь и теперь, какъ и прежде, не сердился, только глаза его смотрѣли на Катрю съ большей надеждой, да губы блѣднѣли, складываясь въ кривую болѣзненную улыбку. А Софронъ подмигивалъ и съ радостной угрозой говорилъ:

— Ничего — еще успѣемъ пошить... Мы еще не то пошьемъ! Тутъ дошьемся и до живого тѣла. Не тѣло,—душу зашьемъ... Ого!.. Доля какъ зашьетъ, и зубами не разорвешь... Вотъ пришли сюда... Что-то дальше будетъ... Хм!..

И съ угрозою, злорадно тянулъ свою трубку.

Василь въ такіе дни спалъ еще больше, просыпаясь только погрызть сухой, твердой рыбы да напиться воды изъ водокачки. А ночью, когда во дворикѣ слышалось сплошное храпѣнье изъ темныхъ кучъ подъ березами, онъ тихо поднимался, осторожно выходилъ въ калитку и направлялся въ поле. Дядя Софронъ ворочался, поднималъ голову и, оглядѣвшись, бормоталъ:

— Ага!.. Такъ, такъ...

А Василь шелъ далеко-далеко въ поле, такъ далеко, что ему едва виднѣлись разноцвѣтные огни станціи да сѣрое сіяніе надъ городомъ. Ночь ласково принимала его въ свои широкія объятья и любовно улыбалась зорями. Онъ садился гдѣ-нибудь на бугоркѣ, вытаскивалъ изъ-за пазухи какую-то палочку и долго и нѣжно вытиралъ ее рукавомъ свитки. Потомъ прикладывалъ ко рту, дулъ—и изъ палочки въ тоскливую, нѣжную ночь катились еще болѣе нѣжные, еще болѣе тоскливые, переливчатые звуки. О чемъ онъ игралъ, печальный сынъ степей и труда? Развѣ онъ зналъ? Развѣ зналъ то вѣтеръ—сынъ неба и степей? Одинъ изъ нихъ игралъ, потому что такъ было нужно, а другой радостно подхватывалъ эти звуки, игрался ими и катилъ къ грустно склонившейся ржи. Рожь печально слушала звуки, кивала колосьями и мягко шепталась съ вѣтромъ, звуками и Василемъ.

Разъ во дворикъ пришелъ приказчикъ съ кнутикомъ, съ хитрыми глазами и съ папироской, прилѣпленной къ нижней губѣ. Его обступили, начали кричать, торговаться, ссориться. Приказчикъ слушалъ, папироса дымила въ лѣвый глазъ, онъ щурилъ его, отчего

Digitized by Google

кахъ. И тяжело, вѣрно, было нести эти копейки: работники всякій разъ возвращались медленно, съ трудомъ передвигая ногами! Зато ночью Софронъ спалъ, не просыпаясь, а Василь, не ложась, игралъ.

Глухо гудѣлъ городъ, изъ котораго такъ тяжело было нести маленькія, легонькія копейки, и сѣрое сіяніе, похожее на то, какое рисуютъ надъ святыми, стояло надъ нимъ. На станціи дико, пронзительно свистѣлъ паровозъ, но свирѣль отъ этого казалась еще нѣжнѣй. А можетъ-быть, и не отъ этого...

— Чудной ты... — смѣялась Катря, засматривая въ лицо Василю.—И сегодня тебѣ жалко?

— Жалко...—пряча голову у нея на груди, посмѣивался Василь.

— Да чего-жъ? Чудной парень... Какъ ребенокъ... И сердишься—ему жалко. И цѣлуешь—тоже жалко. Такъ любишь, что ли?

— Не знаю...

— Хм... А мнѣ вотъ только тогда жалко, когда ты играешь... Мама вспоминается... Или думаешь себѣ, чего мы такіе бѣдные да несчастные... Другіе люди вонъ тамъ на станціи живутъ въ богатствѣ... И жалко-жалко—на долю... Играй же...

И онъ игралъ. Игралъ не то, что выучилъ около стада, а то, чему выучила его жизнь да сердце. Свирѣль плакала и жаловалась на долю; зори мигали, словно въ глазахъ у нихъ стояли слезы, и вѣтеръ грустно вздыхалъ за рожью. И становилось такъ странно, и сладко, и грустно отъ того, что здѣсь въ полѣ возлѣ ржи ихъ было только трое: они двое, да рыдающіе звуки свирѣли.

Во дворикъ опять пришелъ приказчикъ. Говорилъ онъ отрывисто, рѣшительно, сердито и каждаго осматривалъ такимъ пристальнымъ взглядомъ, что какъ-то невольно хотѣлось топтаться ногами и трясти головой. Дядю Софрона онъ назвалъ «трухлякомъ», но не забраковалъ, а вмѣстѣ съ Василемъ засчиталъ въ третьяки. Надъ ними начали смѣяться, но имъ было все равно. Василь, впрочемъ, и не слышалъ ничего: онъ смотрѣлъ на Катрю, которая весело связывала узелки и бросала въ его сторону лукавые, счастливые взгляды.

— Ну, ребята, до экономіи недалеко! — рѣшительно и сердито сказалъ приказчикъ, когда всѣ, готовые въ дорогу, столпились около него.—Пятнадцать верстъ! Пройдемъ городъ, а тамъ и дома черезъ три часа. Сегодня надо быть въ экономіи. Ну, идемъ!

Всѣ двинулись, а тѣ, оставшіеся, провожали ихъ злыми, угрюмыми глазами. Шли длинной лентой по два и по три человѣка, занявши весь тротуаръ, наполняя улицы удивленными криками, смѣхомъ, разговорами и веселыми перебранками съ приказчикомъ и извозчиками, стоявшими около тротуаровъ.

Василь съ Катрей шли позади дяди Софрона. Катря весело посматривала во всѣ стороны, толкала Василя и весело смѣялась надъ приказчиками, поворачиваясь и блестя на нихъ синими глазами и бѣлыми зубами. А Василь, серьезный и молчаливый, пристально и внимательно смотрѣлъ на все, словно пряча себѣ въ душу.

Они шли тѣми улицами, гдѣ люди не жили, а только торговали. Здѣсь слышался непрерывный грохотъ извозчиковъ, блисталъ свѣтъ отъ бѣлыхъ, круглыхъ фонарей и бѣгали полные людей вагоны безъ паровозовъ по одной только толстой проволокѣ. И вся эта длинная лента людей въ грубой, убогой одеждѣ, съ узелками на плечахъ,—людей съ расширенными глазами, съ грубыми лицами и голосами, производила здѣсь такое впечатлѣніе, какое производитъ въ бѣдной улицѣ деревни кавалькада роскошно одѣтыхъ людей съ мягкими руками, нѣжными выхоленными лицами и деликатными голосами. И теперь эти нѣжные, выхоленные люди осматривались на этихъ грубыхъ людей, сторонились и долго смотрѣли имъ вслѣдъ, какъ смотрятъ на рѣдкую интересную процессію.

Пройдя улицу съ блестящими магазинами, они свернули влѣво и вышли на другую, широкую, залитую бѣлымъ свѣтомъ. И только-что они взошли на эту улицу, какъ откуда-то, словно ожидая только ихъ, вырвался цѣлый вихрь чудныхъ звуковъ и сильно ударилъ ихъ въ сердце. Отъ этого глаза рабочихъ опять расширились, на устахъ заиграла радостная улыбка, и всѣ они, какъ овцы, которыхъ позвала хозяйка, со смѣхомъ и крикомъ бросились за этими звуками. Хорошо одѣтые люди поспѣшно уступали дорогу и съ удивленіемъ смотрѣли вслѣдъ. Но что имъ было до этихъ людей, когда впереди за длиннымъ заборомъ изъ сада тянулись непобѣдимые звуки и, схвативши за сердце, властно манили за собою. Что имъ было до окриковъ сердитаго приказчика, пробовавшаго остановить своихъ рабочихъ? Они, какъ овцы возлѣ кошары, столпились у забора и, просунувъ головы между желѣзными прутьями рѣшетки, жадно глотали тѣ звуки.

Василь и Катря стояли крайними. Она часто поворачивалась къ нему, вскрикивала съ веселымъ смѣхомъ, что-то говорила, топала ногами, но Василь не слышалъ. Весь блѣдный, съ впалыми щеками, надъ которыми горѣли какимъ-то чуднымъ и страшнымъ свѣтомъ глаза, съ болѣзненно-скривленными, сомкнутыми губами, онъ смотрѣлъ въ садъ и не двигался. Только руки, которыми онъ ухватился за прутья рѣшетки, дрожали, да грудь дышала тяжело и часто. По широкой свѣтлой аллеѣ сада гуляли хорошо одѣтые люди, грохотали извозчики, кричали, смѣялись, толкали товарищи, но Василь ничего этого не замѣчалъ и не слышалъ.

А звуки большими, длинными волнами лились изъ сада и плыли гдѣ-то надъ головою. Сама жизнь, казалось, плыла на нихъ. Убранная въ смѣхъ и слезы, въ радость и страданье, съ улыбкой непа-

Digitized by Google

Балаклѣевъ, И. И.
(Подольской губ.).

Балашовъ, П. Н.
(Подольской губ.).

Безакъ, Ф. Н.
(Кіевской губ.).

Большаковъ, И. И.
(Тверской губ.).

Воейковъ, С. В.
(Тамбовской губ.).

Дубниковъ, Н. К.
(Херсонской губ.).

Евреиновъ, Н. Н.
(Витебской губ.).

Есьманъ, В. К.
(Гродненской губ.).

Мезенцовъ 2-й, А. П.
(Пензенской губ.).

Мерзляковъ, И. Л.
(Вятской губ.).

Монтвилль, І. С.
(Виленской губ.).

Пилипенко, Н. Е.
(Полтавской губ.).

Ржондъ, М. В.
(гор. Лодзь).

Родзянко, М. В.
(Екатериносл. губ.).

афъ Толстой, А. Н.
(Уфимской губ.).

Шейдеманъ, Е. М.
(Полтавской губ.).

Эргардъ, Р. Я.
(гор. Рига).

ıеру прилагается для гг. **иногородныхъ**
экземплярахъ) для **заблаговременнаго**
1909 года, при чемъ для удобства
говыхъ переводахъ установлен-
ля перевода подписныхъ денегъ. Второй
для новыхъ подписчиковъ, можетъ быть
желали бы подписаться на „Ниву“ 1909 г.

Digitized by Google

общенія Мельникова-Печерскаго съ народомъ, является достойной внѣшней формой внутренняго содержанія его произведеній.

По образному, простому опредѣленію Бестужева-Рюмина,—въ произведеніяхъ Мельникова-Печерскаго русская душа русскимъ словомъ говоритъ о русскомъ народѣ; въ нихъ живьемъ встаетъ предъ нами русская жизнь среди русской природы.

Но, кромѣ библіотеки русскихъ писателей-классиковъ, „Нива“ задалась цѣлью дать своему читателю одновременно и библіотеку сочиненій крупнѣйшихъ иностранныхъ писателей. Заканчивая нынѣ печатаніемъ собраніе сочиненій знаменитаго драматурга и поэта Гергарта Гауптмана, „Нива“ ввела читателя въ кругъ идей борьбы личности съ обществомъ и борьбы общества съ обветшалыми формами государства, и въ извѣстной степени подготовила его къ воспріятію идей другого великаго писателя и драматурга—Генрика Ибсена.

Генрикъ Ибсенъ.

Это имя извѣстно всему культурному міру, отъ взрастившаго его сѣвера до крайняго юга. Пьесы его идутъ на всѣхъ европейскихъ сценахъ, возбуждаютъ восторги и споры въ литературѣ, театрѣ, обществѣ, семьѣ. Мы считаемъ, что теперь каждому культурному человѣку интересно и желательно имѣть ихъ въ своей библіотекѣ, и потому даемъ въ наступающемъ году вторымъ безплатнымъ приложеніемъ

РАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А ИБСЕНА

-ТИ КНИГАХЪ.

въ 8 томахъ безъ пересылки—**12 руб.**).

чуткій умъ пойметъ, какія великія идеи отстаиваетъ въ нихъ Ибсенъ, и съ точки зрѣнія ихъ пойметъ уже тогда тенденцію автора. Единственная тенденція Ибсена — правда во всемъ и свобода вопреки всему.

Выдающійся художникъ, онъ по строенію своихъ произведеній несомнѣнный классикъ, по глубинѣ поэтическаго чувства—романтикъ, а по яркости дерзновенія своихъ картинъ современнаго общества—натуралистъ. И если вдуматься въ его своеобразный геній, въ немъ можно прослѣдить глубокія, уже давно заложенныя въ писательскую душу свѣтлыя вѣянія свободы и идеализма великихъ поэтовъ начала прошлаго вѣка—Гёте, въ его юношескіе годы, и Байрона.

Тамъ, гдѣ Ибсенъ не задается задачей создать широкій историческій и соціальный фонъ и на немъ воплотить свою идею въ рядѣ живыхъ образовъ, какъ онъ это сдѣлалъ въ «*Привидѣніяхъ*», онъ даетъ внутреннюю драму современнаго человѣка, и по силѣ ея изображенія нѣтъ у Ибсена (да и во всей міровой литературѣ немного) выше его «*Гедды Габлеръ*», воплощающей въ себѣ цѣлую сторону современной нравственной жизни.

Ярокъ и самобытенъ Ибсенъ и въ вѣковѣчномъ вопросѣ любви и физической и нравственной чистоты. Два другихъ великихъ сѣверянина, властителя думъ мірового общества — Бьернсенъ и гр. Левъ Толстой также внесли свое рѣшеніе этой великой проблемы — каждый по-своему: Бьернсенъ въ своей „Перчаткѣ“ отстаиваетъ идеалъ цѣломудрія; Толстой требуетъ въ „Крейцеровой сонатѣ“ возстановленія правъ женщины въ современномъ обществѣ. Ибсенъ, строго блюдя задачу художника, избѣгаетъ публицистики, въ которую впали Бьернсенъ и Толстой, — и въ своей знаменитой пьесѣ «*Комедія любви*» совершенно не входитъ въ реальныя, практическія условія жизни; онъ только даетъ намъ высшую красоту безкорыстнаго взгляда на жизнь и очаровываетъ насъ божественной стороной чувства любви. Для героевъ его пьесы, вызвавшей цѣлую бурю восторговъ и негодованія въ Скандинавіи, Свангильды и Фалька, любовь—не источникъ личнаго счастья, а святыня, проявленіе безконечнаго; они не хотятъ осквернить „небеснаго пламени“ уродствомъ дѣйствительной жизни, буржуазностью, мелочными денежными расчетами. И они именно въ силу того, что такъ сильно, такъ чисто любятъ другъ друга, добровольно разстаются навѣки. Въ этомъ идеализмѣ любви Ибсена слышатся отзвуки „Пира“ Платона и

Digitized by Google

ствіяхъ. — **Олафъ Лиліенкрансъ**. Драма въ 3 дѣйствіяхъ. — Идейно-бытовыя драмы: —**Союзъ молодежи**. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ.—**Столпы общества**. Комедія въ 4 дѣйствіяхъ.—**Кукольный домъ (Нора)**. Драма въ 3 дѣйствіяхъ.—**Привидѣнія**. Драма въ 3 дѣйствіяхъ. — **Врагъ народа (Докторъ Штокманъ)**. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ.—**Дикая утка**. Драма въ 5 дѣйствіяхъ. — **Росмерсгольмъ**. Драма въ 4 дѣйствіяхъ. — **Дочь моря**. Драма въ 5 дѣйствіяхъ.—**Гедда Габлеръ**. Драма въ 4 дѣйствіяхъ. — Идейно-символическія драмы: — **Строитель Сольнесъ**. Драма въ 3 дѣйствіяхъ. — **Маленькій Эйольфъ**. Драма въ 3 дѣйствіяхъ.—**Джонъ-Габріель Боркманъ**. Драма въ 4 дѣйствіяхъ.—**Когда мы, мертвецы, пробуждаемся...** Драматическій эпилогъ въ 3 дѣйствіяхъ. — **Избранныя стихотворенія**.—**Статьи**. — **Рѣчи**. — **Письма**. — **Жизнь и литературная дѣятельность Генрика Ибсена**. Очеркъ А. и П. Ганзенъ.

ка допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

Безъ доставки въ СПБ.			Съ доставкою въ СПБ.			Съ перес. иногородн.		
2 срока.	3 срока.	4 срока.	2 срока.	3 срока.	4 срока.	2 срока.	3 срока.	4 срока.
3 р. 50 к.	2 р. 50 к.	2 р.	4 р.	3 р.	2 р.	4 р.	3 р.	2 р.
—	—	1 р. 50 к.	—	—	2 р.	—	—	2 р.
—	2 р.	—	—	2 р. 50 к.	—	—	2 р. 50 к.	—
3 р.	—	1 р. 50 к.	3 р. 50 к.	—	2 р.	4 р.	—	2 р.
—	2 р.	1 р. 50 к.	—	2 р.	1 р. 50 к.	—	2 р. 50 к.	2 р.
6 р. 50 к.	6 р. 50 к.	6 р. 50 к.	7 р. 50 к.	7 р. 50 к.	7 р. 50 к.	8 р.	8 р.	8 р.

цихъ какъ въ частныхъ, такъ и въ казенныхъ учрежденіяхъ (въ СПБ., и др. город.), допускается разсрочка, на еще болѣе льготныхъ условіяхъ, за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ.

обозначать непремѣнно на самомъ переводѣ (а не въ ьги, а также адресъ (подробный и четкій).

№ 22, открыта ежедневно (кромѣ воскр. и праздн. дней) **о 6 ч. веч.**

ь видѣ точекъ, а въ видѣ полосъ; комета движется среди звѣздъ, оторыя остаются неподвижны относительно кометы; аппаратъ же вижется вмѣстѣ съ кометою, для того, чтобы ея изображеніе на астинкѣ все время позы оставалось на одномъ мѣстѣ; поза же одолжается часъ, два, три, и за это время изображенія звѣздъ ремѣщаются на пластинкѣ и потому даютъ полосы, а не точки. Фламмаріонъ былъ особенно пораженъ въ этой новой кометѣ мъ, что она чрезвычайно рѣзко мѣняла свою форму въ самые значительные промежутки времени, почти, можно сказать, на азахъ у наблюдателя. Особенно рѣзкія перемѣны фигуры начаись съ 17 сентября; на слѣдующій же день, очевидно, съ комею произошла настоящая катастрофа. Это—сравнительно рѣдкое еніе въ кометномъ мірѣ; обычно комета появляется въ извѣст-

Рѣдкая фотографія кометы. По снимку кометы Морхаузенному въ обсерваторіи Жювизи.

Digitized by Google

сія сербскаго королевича Георгія въ Петербургъ и почти одновременная командировка видныхъ дѣятелей Сербіи и Черногоріи ко всѣмъ почти европейскимъ кабинетамъ чрезвычайно благопріятствуютъ выясненію солидарности интересовъ всѣхъ балканскихъ народовъ и сознанію необходимости для нихъ союзной самозащиты своихъ правъ. Разочарованіе въ постороннемъ заступничествѣ поневолѣ заставитъ надѣяться только на Бога да на самого себя.

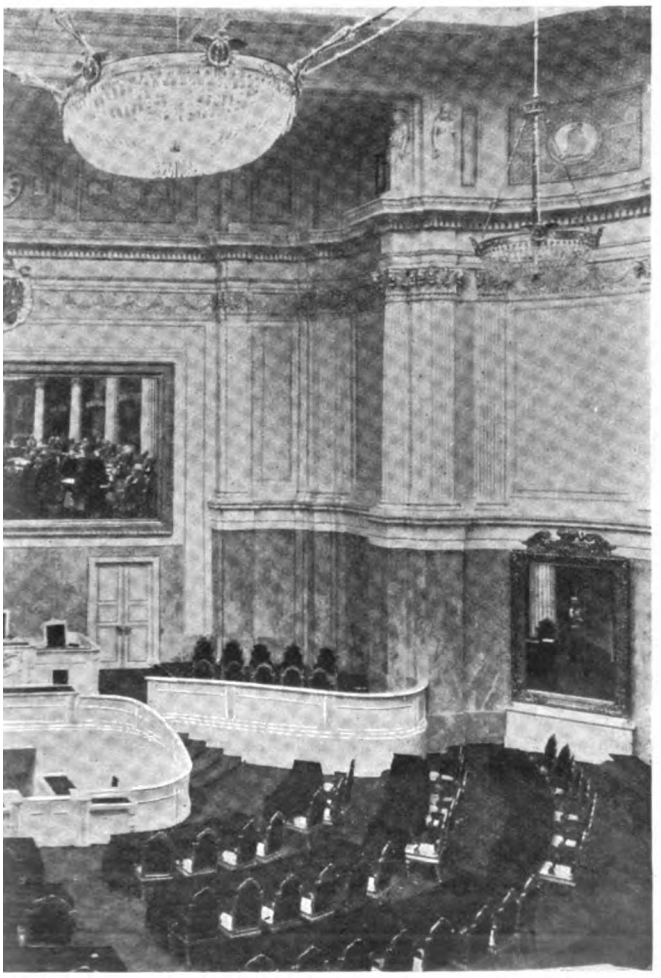
Въ Государственной Думѣ.

15 октября, послѣ 3½ мѣсяцевъ каникулъ, открылась 2-я сессія 3-й Государственной Думы. Можно было ожидать, что открытіе будетъ носить торжественный, но исключительно офиціальный характеръ. На дѣлѣ же офиціальная часть этого перваго засѣданія прошла очень блѣдно, безъ всякой торжественности.

Было отслужено молебствіе. По требованію депутатовъ, трижды исполненъ народный гимнъ. Затѣмъ предсѣдатель Гос. Думы объявилъ засѣданіе ея открытымъ. Вотъ и все.

Но этотъ сѣрый тонъ засѣданія вдругъ былъ нарушенъ внесеніемъ запроса по поводу запрещенія спб. градоначальникомъ преній послѣ лекціи проф. Погодина о «Босніи и Герцеговинѣ подъ оккупаціей Австріи», состоявшейся 14 октября. Послѣ этой лекціи предполагались пренія, въ которыхъ должны были принять участіе, кромѣ нѣсколькихъ членовъ Гос. Думы, съѣхавшіеся въ Петербургъ представители славянскихъ земель; однако спб. градоначальникъ не призналъ возможнымъ допустить преній потому, что «эта лекція предполагается не въ закрытомъ, а въ публичномъ собраніи»,— мотивъ, не имѣющійся въ правилахъ 4 марта. Поэтому 87 депутатовъ, — въ числѣ которыхъ оказалось много членовъ центра и правыхъ партій, — предложили Гос. Думѣ предъявить министру внутреннихъ дѣлъ запросъ: извѣстенъ ли ему этотъ фактъ, и будутъ ли приняты какія-либо мѣры для обезпеченія и исполненія правилъ 4 марта.

Мотивировалъ запросъ деп. Маклаковъ (к.-д.), часто прерываемый рукоплесканіями и возгласами одобренія, и вся зала, отъ края до края, аплодировала ему, когда онъ говорилъ, что вопросъ о будущемъ славянскихъ земель непосредственно касается русскаго національнаго и государственнаго достоинства, и тутъ общественное мнѣніе остаться безучастнымъ не можетъ; что громкое и единодушное выраженіе его было бы для правительства, которое блюдетъ національное достоинство страны, не помѣхой, а опорой и под-



...едсѣдателя. Мѣста
...оратора. министровъ.
...нографовъ.

...нная въ день открытія засѣданій, 15 октября с. г. Общій видъ
...авт. «Нивы».

Digitized by Google